

УДК 1(091) + 140.8

DOI: 10.34670/AR.2020.86.83.00214

**О взаимосвязи веры, знания, ментальности
в контексте мифа и Логоса****Извекова Татьяна Федоровна**Кандидат филологических наук, доцент,
директор,Центр международного образования и языковой
коммуникации департамента по учебной работе,Новосибирский государственный медицинский университет,
630091, Российская Федерация, Новосибирск, Красный проспект, 52;
e-mail: izvekova.med@gmail.com

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Аннотация

В данной статье представлен историко-философский анализ проблемы взаимосвязи веры, знания и ментальности в рамках нового (полипонятийного) концептуального теоретико-методологического подхода. Показано, что с помощью этого нового исследовательского инструментария сущность проблемы взаимосвязи веры, знания и ментальности предстает в непосредственной взаимосвязи с такими важными понятиями, как «миф», «Логос», «метафизика», «Абсолют», «познание», «деятельность», «антропоцентризм», «сакральное», «профанное» и др., причем сразу в нескольких философских ракурсах: онтологическом, аксиологическом, гносеологическом, антропологическом, социальном, футурологическом. В работе показано, что в таком целостном варианте исследования глубинной (метафизической) взаимосвязи веры и знания открывается панорама единого и подлинного двоемирия, в котором пребывает человек, постоянно находясь в процессе постижения смыслов своего бытия, места и роли в общей картине мироздания. В работе подвергаются резкой критике практики современного постмодернистского философствования, изначально отрицающие любые исследовательские поиски глубинных смыслов, мировоззрения, картин мира как бесплодной и во всем устаревшей архаики. Всем своим содержанием и выводами исследование подчеркивает не только принципиальную ложность такого постмодернистского философствования без поиска каких-либо смыслов, но и конструктивно открывает многие новые их сущностные версии даже в тех предметных областях, где философские и научные поиски осуществляются на протяжении уже многих веков.

Для цитирования в научных исследованиях

Извекова Т.Ф. О взаимосвязи веры, знания, ментальности в контексте мифа и Логоса // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 2А. С. 14-21. DOI: 10.34670/AR.2020.86.83.002

Ключевые слова

Вера, знание, ментальность, бинарный и полипонятийный теоретико-методологические подходы, эпистемизм, фидеизм, метафизика, Абсолют, миф, Логос, антропоцентризм, профанное, сакральное.

Введение

В современной философии с приходом в нее модных ныне постмодернистских подходов – постструктурализма, деконструкции, грамматологизма и др. особенно «достаётся» метафизике, поскольку осуществляется филиация или отрицание всех ее главных идей, направленных всегда на глубинное, абсолютное понимание начал мира и человека, их смыслов. Хорошо отразил суть происходящего в философском познании В.А. Кутурев; описывая нынешние практики философствования тех, кто «принял постмодернизм», он подчеркивает, что они «просто привыкают, научаются манипулировать соответствующими терминами и словами. В их устах и писаниях он (смысл – примеч. автора статьи) предстает как род абсурдистской литературы со всеми ее типическими признаками. Его, мол, и не надо понимать... Да и вообще: истина, логика, организация, смысл – все это устарело, стремиться к ним – значит стремиться к «репрессивной ясности»...выписывается индульгенция на существование в мире с «закрытыми глазами» [Кутурев, 2006, 4]. В данной статье мы преследуем совсем иные исследовательские цели, будучи убежденными в том, что истинное предназначение философии и метафизики – именно поиск великих и глубинных смыслов всего и во всем, без которых человек уже вовсе не человек, а «тело без органов», а мир – лишь только «симулякр», т.е. некие формы их полного отсутствия, небытия.

Основное содержание

Не будет никаким преувеличением сказать, что искомые смыслы всего и во всем содержатся, прежде всего, в двух главных началах – в вере и в знании, т.е. в тех самых носителях смыслов, которые как раз и «раскрывают глаза» человеку на него самого и на мир, в котором он существует. Суть проблемы веры и знания в подлинной (и вечной) философии и метафизике [Достоевский, 1982], а не в ныне модных, но абсолютно тщетных попытках их преодолеть, отказавшись от поисков смыслов вообще – именно в их глубинной взаимосвязи между собой, а также с другими важнейшими понятиями, сопряженными с ними [Степин, 2003]. Исторически постижение сущности такого рода взаимосвязи чаще всего реализовывалось в бинарном варианте исследования самих этих понятий – путем анализа понятийного комплекса «вера-знание», без задействования в познавательных целях более широкого понятийного контекста [Бахтин, 1979]. Такой – бинарный – исследовательский подход реализован в двух важнейших многовековых исследовательских традициях: в эпистемизме (от греч. *episteme* – знание), утверждавшем в человеческом познании первичность знания по отношению к вере и, следовательно, первичность дискурсивного, опосредствованного мышления; в фидеизме (от лат. *fides* – вера), утверждавшем в познавательных практиках человека абсолютную первичность веры по отношению к знанию и, следовательно, первичность интуитивного мышления по отношению к рациональному, дискурсивному мышлению [Швырев, 2003]. За многие века противостояния ни одной из этих двух концепций так и не удалось достичь решающего превосходства над своим оппонентом, более того, такой бинарный теоретико-методологический подход к исследованию веры и знания стал определенным познавательным тупиком для дальнейшего движения вперед, ибо попытки их только взаимопостижения – слишком узкий и искусственно-изоляционистский от других начал концептуальный подход.

Есть ли возможность такой действительно узкой, такой бинарный подход методологически преодолеть и тем самым создать новые концептуально-исследовательские возможности для

постижения сути взаимосвязи веры и знания? Да, есть, и нами впервые предложен именно такой новый теоретико-методологический подход – полипонятийный: для постижения глубинной взаимосвязи веры и знания вполне возможно осуществить принципиально целостное постижение этого феномена через единство и взаимосвязь веры и знания с более широким понятийным комплексом, имеющим прямую и непосредственную связь с ними; мы показали связь веры и знания с такими важнейшими понятиями как «человек», «сознание», «духовное первоначало», «бытие», «небытие», «природное», «сверхприродное», «познание», «истина», «доказательство», «соборное сознание». Такой полипонятийный подход сразу же дал свои зримые и важные результаты, поскольку суть проблемы взаимосвязи веры и знания удалось представить сразу в нескольких новых и чрезвычайно фундаментальных философских ракурсах: в онтологическом – как таинство единства бытия и небытия; в гносеологическом – как таинство духовного первоначала и сознания; в антропологическом – как таинство единства природной и сверхприродной сущности человека; в социальном – как таинство соборного сознания; в аксиологическом – как таинство соотношения добра и зла и др. Но и этот результат – вовсе не окончательный, поскольку далеко не полностью исчерпан понятийный комплекс, имеющий прямые сущностные связи с понятиями «вера» и «знание»; в предлагаемой статье такого рода целостное рассмотрение из взаимосвязи осуществлено в контексте таких важных понятий, как «миф», «ментальность», «Логос», «метафизика», «Абсолют», «познание», «деятельность», «сакральное», «профанное» и др. [Лосский, 1994].

Начнем с мифа (от греч. – предание, беседа указание, замысел, план, известие, «страстно желать», «иметь ввиду» и др.) – форма дорефлексивного постижения мира, образное упорядочение еще непознанного или непостижимого бытия, которое предстает в мифе как некоторое организованное целое, как «порядок мира», как первоначальное осмысление бытия через образы и символическое сознание [Энциклопедия..., 2009, 518]. Миф как понятие с самого начала проникновения в его глубинные смыслы поражает, прежде всего, своей принципиальной многозначностью и глубиной, что хорошо видно из того перечня ему соответствующих слов в русском языке, которое приведено выше. И чего здесь только нет! От предания и беседы – до указания, замысла, плана; от человеческой заботы о чем-то – до страстного желания этого. Во всех этих трактовках мифа ярко и многопланово предстает не столько внешний мир, сколько... сам человек, его стремление найти свое подлинное место в общем строе мироздания, в его особом «порядке», который определяется опять же ...самим человеком. Уже здесь хорошо видно, что познавательная активность человека обладает не только действительно важными такими качествами, как образность и символизм, но еще и гораздо более яркой, принципиально антропоцентрической своей направленностью, суть которой можно передать приметно следующими словами: постигая все что угодно, искать только то, что неотделимо от самого искателя [Евлампиев, 2000]. Но эта глубинная направленность человеческого познания и общей его активности, столь ярко выраженная в антропоцентризме и есть одно из самых фундаментальных свойств человека вообще – его ментальности (менталитета). Для данной работы исследование ментальности – одна из центральных научных задач и поэтому историко-философскому анализу этого понятия (во взаимосвязи с верой, знанием, мифом, добром, злом, Абсолютом и др.) будет посвящена практически вся вторая статья данного цикла статей; пока же ограничимся указанием на современное представление о ментальности, которое гласит, что ею называют совокупность установок и предрасположенностей индивида (или социальной группы) воспринимать мир определенным образом [Энциклопедия..., 2009, 485] Хорошо видно, что эта ментальность по самой своей сущности и происхождению – именно антропоцентрична,

а сама взаимосвязь этих двух начал – важнейший инвариант человеческого постижения мира с древнейших мифологических времен.

Начав свой анализ с мифа, мы пришли к необходимости анализа ментальности; необходимо установить ее связь с верой и знанием, и если такая взаимосвязь будет нами найдена, то станет возможным вернуться к дальнейшему анализу мифа и к поиску новых смысловых особенностей единства веры и знания, с одной стороны, и широкого понятийного комплекса, с другой. Итак, необходим ответ на вопрос о том, а есть ли существенная взаимосвязь между ментальностью и верой? Между ментальностью и знанием? Легко понять, что именно эта направленность, именно эта ментальность человека всегда была и остается до сих пор самым главным порождающим началом во всей культурной эволюции человечества, причем сразу в двух своих формах: явной и неявной. В явной форме антропоцентризм как ментальность присутствует во всех формах сознания и в рациональном мышлении – в науке, в философии, в религии, в идеологии и т.д.; в неявной же форме ментальность (опять же как антропоцентризм!) пронизывает собой бессознательные начала человека, его скрытые культурные и национальные коды. Тогда вполне становится понятным, что именно ментальность является тем единственным «мостом», соединяющим, с одной стороны, сознание и все выраженное в явной форме через рациональный дискурс, через Логос, а, с другой стороны, бессознательное и вообще все то, что скрыто, неявно, непостижимо, неведомо. Тогда такую же связь можно провести и между теми их главными результатами активности, которые порождаются этими двумя началами: между знанием, которое в явной форме порождается сознанием и верою, которая в неявной и скрытой форме порождается бессознательным или непознанным [Достоевский, 1980]. Таким образом, искомая нами глубинная взаимосвязь веры (как главного носителя всего неявного, непознанного, скрытого, таинственного, интуитивного) и знания (как главного носителя всего явного, познанного, открытого, дискурсивного) – в самой сущности ментальности человека, которая во все исторические эпохи, начиная с мифологических времен была всегда лишь в своем главном выражении единственной и неизменной – только антропоцентристской.

Теперь покажем взаимосвязь веры и знания с еще четырьмя важными понятиями (порядок, хаос, сакральное, профанное), без которых нельзя по-настоящему глубоко раскрыть сущность понятия менталитет, а, следовательно, и связь между всеми этими понятиями (заметим, что их уже всего шесть: миф, менталитет, порядок, хаос, профанное, сакральное). Самым ярким воплощением такого рода ментальности является принцип мистической сопричастности «всего со всем» (или «все – во всем»): совсем нетрудно осознать, что главным началом, соединяющим все в этом мире – и природное, и социальное, и духовное – является именно сам человек, его поразительная ментальность [Бердяев, 1994]. И мир, изначально представавший невообразимым хаосом, превращается в космос – в определенный и устойчивый порядок, причем именно благодаря присутствию самого человека в этом мире, благодаря такой особенной природе его ментальности. Да и сама активность мифологического человека была преимущественно направлена на совершенно немислимое для современного человека – на поддержание мирового, космического порядка! Этот порядок не только артикулирован в священных (сакральных) историях о происхождении мира, о богах, героях и первопредках, в начальные времена установивших важнейшие мировые порядки, но и в самой активности людей – ритуальной и магической, основное назначение которой является поддержание и укрепление этого самого мирового порядка путем регулярного его «перезапуска» в особые моменты времени (чаще всего – в «праздники»), когда становится возможным как бы «вернуться» в начальные времена осуществлением особых ритуальных и мистических действий, включая, в

том числе и жертвоприношения. Заметим, что магическая составляющая активности мифологического человека была направлена на использование власти тайных потусторонних и сверхъестественных сил ради достижения человеческих целей [Энциклопедия..., 2009, 462]; но вот вопрос – каких своих целей? Основные такие цели – вовсе не человеческие в современном их понимании! Мифологический человек был постоянно занят...поистине космической активностью, для него именно решение мировых проблем ради укрепления единого космического порядка – главный предмет его забот и всей повседневной активности. Образно говоря, от действий мифологического человека, как он считал, напрямую зависело даже движение светил, пребывание мира в определенных границах приемлемого для всех порядка и единства. Это нынешний, так называемый современный человек настолько «продвинулся» в своем развитии, что кроме своего личного благополучия его не занимает вообще ничего, никакие мировые смыслы и метафизические начала, о чем мы писали в самом начале данной статьи, а вот мифологический человек был совершенно иным [Иванов, 1918]: направленность его активности была на космическое, на общемировое, на сакральное, а вовсе не на локальное, не на относительное, не на профанное – не на активность только «ради живота своего».

Именно соотношение этих двух начал – профанного и сакрального – одну и ту же человеческую ментальность (как антропоцентризм) теперь расщепляет (превращает) в две различные ее разновидности, что лучше всего видно как раз при сравнении мифологического человека и человека современного: оставаясь по-прежнему антропоцентристской, ментальность приобретает некую «тонкую» свою структуру, что характеризуется различной взаимосвязью двух уже упомянутых понятий – «сакрального» и «профанного»: для мифологического человека сакральное начало во всем превышает профанное, у современного же человека – все с точностью наоборот – профанное намного важнее сакрального, более того, – часто вообще остается в «гордом одиночестве», полностью вытесняя на обочину человеческой жизни это самое сакральное – непонятное, ненужное, а значит излишнее. Нетрудно понять, что вера – носитель именно сакрального начала, поскольку вера есть та единственная связь, которая соединяет человека и инобытие, человека и Абсолют: знание же – носитель профанного начала, т.е. всего того, что в этом мире приобрел сам человек своей активностью, некий интегральный его опыт, выраженный именно в самых различных предметных знаниях [Бердяев, 1990]. В условиях практически полной познавательной непрозрачности мира и своего бытия мифологический человек полагался на единство ничем неограниченного воображения, переживания и мыслимого, в котором роль рационального начала и его носителя – знания была еще крайне малой.

После того, как мы немного вскрыли взаимосвязь веры и знания с такими сопряженными с ними понятиями как миф и ментальность, как сакральное и профанное, есть исследовательская необходимость обратиться к взаимосвязи всех этих понятий с Логосом (греч. – речь, слово, понятие, основание, мера) – понятием античной философии и христианского богословия, имеющим двоякий смысл: 1) разумного принципа, управляющего миром; 2) Бога-Сына как Посредника между Богом-Отцом и миром [Энциклопедия..., 2009, 458]. Известно, что как философское понятие Логос появляется у Гераклита [Трубецкой, 1994] и хотя его толкование этого понятия не до конца ясно и во многом спорно, тем не менее главное его содержание передается опять же через направленность, т.е. на современном научном языке – через ментальность: по Гераклиту, люди не понимают вечносущий и всеобщий Логос, по которому свершается превращения стихий и чему мерой является именно Логос, но, следуя ему, надо признать все не только единым, но и подвластным ему, в том числе и самого человека,

вовлеченного в общий процесс преобразования хаоса в порядок. Иначе говоря, хорошо видно, что и в мифе (см. выше), и в Логосе человек всегда участвует в главном и вечном процессе: мир как изначально невообразимый хаос превращается в космос – в определенный и устойчивый порядок [Зеньковский, 2001]. Сам Логос предстает здесь как правящее начало, как власть меры и закона, которая потом у Аристотеля станет синонимом разумности вообще, а у стоиков будет описываться как множество смысловых семян, произрастающих в мире, причем по своей онтологии Логос, как и у Гераклита, вновь будет трактоваться как разумно-творческая эфирно-огненная субстанция [Энциклопедия..., 2009, 458]. Христианская богословская трактовка Логоса, содержащаяся в Евангелии от Иоанна – это учение о Единородном Сыне Бога-Отца; в христианской философии Логос трактуется как прямое присутствие Бога в мире и нераздельное (хотя и неслиянное) единство с человеческой природой [Энциклопедия..., 2009, 459].

Заключение

Итак, не только в мифе, но и в Логосе – как в древних первоначалах будущих понятий вера и знание – одна из основных характерных черт их сущности определяется именно ментальностью, которая, как уже неоднократно подчеркивалось, носит принципиально антропоцентристскую свою направленность [Достоевский, 1974]. Никуда эта ментальность не исчезла и сегодня, поскольку вера и знание в современной их трактовке также наполнены взаимосвязью с ментальностью, анализ которой мы осуществим чуть позже – сразу после того, как введем еще несколько ключевых определенностей сущности самой ментальности [Тихомиров, 1994].

Дело в том, что пока мы еще не коснулись очень важных содержательных элементов ментальности самой по себе и теперь эту недосказанность необходимо преодолеть, тем более что это понятие действительно крайне важно для решения ближайших исследовательских задач данной работы. Сразу следует подчеркнуть, что в своих исторических истоках ментальность предстает как во многом загадочное, таинственное и эзотерическое начало, связанное не только с мифом, мистикой, но и гностицизмом, с дуалистической (манихейской) революцией в мире людей, с проблемой зла и становлением религиозных доктрин. Без философского анализа всего этого глубинного многообразия, центральным элементом которого является именно ментальность, по-настоящему нельзя разобраться и с взаимосвязью веры и знания – главным предметом исследования данной работы. Обо всем об этом – в следующей статье.

Библиография

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. 318 с.
2. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. 486 с.
3. Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского. // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. Сборник статей. М., 1990. С. 215-233.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. //Достоевский Ф.М. Публицистика и письма. Т. XVIII-XXX. Дневник писателя за 1876 г., ноябрь-декабрь. Т.24. Л.: Наука, 1982.
5. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. //Достоевский Ф.М. Художественные произведения. Т. I - XVII. Бесы. Т.10. Л.: Наука, 1974.
6. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. //Достоевский Ф.М. Публицистика и письма. Т. XVIII-XXX. Статьи и заметки 1862-1865. Т.20. – Л.: Наука, 1980.
7. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX-XX веках. Русская философия в поисках абсолюта. Часть I. –СПб.: Алетейя, 2000.
8. Зеньковский В.В. История русской философии. М., 2001.

9. Иванов В.И. Достоевский и роман-трагедия / Иванов В.И. Родное и вселенское. М., 1918.
10. Кутырев В.А. Философия постмодернизма: Научно-образовательное пособие для магистров и аспирантов гуманитарных специальностей. - Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2006.
11. Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание//Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М., 1994.С. 5-248.
12. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
13. Тихомиров Б.Н. О «христологии» Достоевского //Достоевский. Материалы и исследования. Т.11. – М., 1994. С. 102-121.
14. Трубецкой С.Н. Учение о Логосе в его истории // Трубецкой С.Н. Соч., М., 1994.
15. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
16. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009.

On the relationship of faith, knowledge, mentality in the context of myth and Logos

Tat'yana F. Izvekova

PhD in Philology, Associate Professor,
Director,
Center for International Education and Language
Communication of the Department of Academic Affairs,
Novosibirsk State Medical University,
630091, 52, Krasnyi ave., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: izvekova.med@gmail.com

Abstract

This article presents a historical and philosophical analysis of the problem of the relationship of faith, knowledge and mentality in the framework of a new (poly-conceptual) conceptual theoretical and methodological approach. It is shown that with the help of this new research tool, the essence of the problem of the relationship of faith, knowledge and mentality appears in direct interconnection with such important concepts as “myth”, “Logos”, “metaphysics”, “Absolute”, “cognition”, “activity” , "Anthropocentrism", "sacred", "profane", etc., and at once in several philosophical perspectives: ontological, axiological, epistemological, anthropological, social, futurological. The work shows that in such a holistic version of the study of the deep (metaphysical) relationship of faith and knowledge, a panorama of a single and genuine double world opens up in which a person resides, constantly being in the process of comprehending the meanings of his being, place and role in the overall picture of the universe. The work is subjected to sharp criticism of the practice of modern postmodern philosophizing, initially denying any research searches of deep meanings, worldview, pictures of the world as barren and outdated archaic. With all its content and conclusions, the study emphasizes not only the fundamental falsity of such postmodern philosophizing without searching for any meanings, but also constructively reveals many of their new essential versions, even in those subject areas where philosophical and scientific searches have been carried out for many centuries.

For citation

Izvekova T.F. (2020) O vzaimosvyazi very, znaniya, mental'nosti v kontekste mifa i Logosa [On the relationship of faith, knowledge, mentality in the context of myth and Logos]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 9 (2A), pp. 14-21. DOI: 10.34670/AR.2020.86.83.002

Keywords

Faith, knowledge, mentality, binary and poly-conceptual theoretical and methodological approaches, epistemism, fideism, metaphysics, Absolute, myth, Logos, anthropocentrism, profane, sacred.

References

1. Bakhtin M.M. Problems of poetics of Dostoevsky. Moscow, 1979. 318 p.
2. Berdyaev N.A. World outlook of Dostoevsky . Berdyaev N.A. The philosophy of creativity, culture and art. Moscow, 1994. 486 p.
3. Berdyaev N.A. Revelation of man in the works of Dostoevsky. . About Dostoevsky. The work of Dostoevsky in Russian thought of 1881-1931. Digest of articles. Moscow, 1990. p. 215-233.
4. Dostoevsky F.M. Full Sobr. Op. in 30 tons . Dostoevsky F.M. Journalism and letters. T.XVIII-XXX. Writer's Diary for 1876, November-December. T.24. L. : Science, 1982.
5. Dostoevsky F.M. Full Sobr. Op. in 30 tons . Dostoevsky F.M. Works of art. T. I - XVII. Demons. T.10. L. : Science, 1974.
6. Dostoevsky F.M. Full Sobr. Op. in 30 tons . Dostoevsky F.M. Journalism and letters. T.XVIII-XXX. Articles and notes 1862-1865. T.20. - L. : Science, 1980.
7. Evlampiev I.I. The history of Russian metaphysics in the XIX-XX centuries. Russian philosophy in search of the absolute. Part I. - St. Petersburg: Aletheia, 2000.
8. Zenkovsky V.V. History of Russian philosophy. Moscow, 2001.
9. Ivanov V.I. Dostoevsky and the novel-tragedy / Ivanov V.I. Native and universal. M., 1918.
10. Kutyrev V.A. Philosophy of postmodernism: A scientific and educational manual for masters and graduate students in the humanities. - Nizhny Novgorod: Publishing House of the Volga-Vyatka Academy of Public Administration, 2006.
11. Lossky N.O. Dostoevsky and his Christian outlook . Lossky N.O. God and world evil. M., 1994.S. 5-248.
12. Stepin V.S. Theoretical knowledge. Moscow: Progress-Tradition, 2003.
13. Tikhomirov B.N. On the "Christology" of Dostoevsky . Dostoevsky. Materials and research. T.11. - M., 1994.S. 102-121.
14. Trubetskoy S.N. The doctrine of the Logos in its history . Trubetskoy S.N. Soch., M., 1994.
15. Shvyrev V.S. Rationality as a cultural value. Tradition and modernity. Moscow, Progress-Tradition, 2003.
16. Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science. Moscow "Canon +" ROOI "Rehabilitation", 2009.